

Новые книги Нового Света

[264]

ИЛ 2/2021

с Мариной Ефимовой
Совместно с Радио “Свобода”

VIRGINIA SPENCER CARR *The Lonely Hunter: A Biography of Carson McCullers*. — Univ. of Georgia Press, 2017; JOYCE CAROL OATS *The Poet of Freakiness*. — NY Review of Books, 2017, Sept. 28

К столетию американской писательницы-южанки Карсон Маккалерс вышли две новые биографические работы: книга Вирджинии Карр “Одинокий охотник” и статья писательницы Джойс Кэрол Оутс “Поэт странностей”. Маккалерс написала немного, знаменитых ее произведений всего пять: два романа “Сердце — одинокий охотник” и “Отражение в золотом глазу”, две новеллы: “Участник свадьбы” и “Баллада о невеселом кабачке” и рассказ “Дерево, камень, облако”. Первый свой шедевр Маккалерс написала в двадцать два года, а последний — в двадцать девять. В собрание ее сочинений входит еще полтора десятка рассказов и эссе, одна пьеса и автобиография. Карсон Маккалерс умерла в пятьдесят лет. Этого времени ей хватило, чтобы стать классиком американской литературы XX века.

Главная тема, главный нерв всех произведений Карсон Маккалерс в точности соответствует названию ее главного романа: сердце — одинокий охотник.

В то лето, когда Фрэнки исполнилось двенадцать, она дав-

ным-давно ни к чему не принадлежала... ни к чему на свете. Она говорила себе: “Все к чему-то принадлежат: Бернис — к своей церкви и к цветным, папа — к своему магазину, брат Джавес — к армии. Только я сама по себе”. И это ужасно ее пугало. Но когда Фрэнки увидела Джавеса вместе с его невестой Джейн, она поняла, с кем хочет быть всегда. “Они оба такие красивые! Джавес даже на себя не похож. Они выглядят так, словно им хорошо 24 часа в сутки. Поэтому я уеду с ними. Сперва в церковь, потом в их новый дом на Винтер-Хилл, и потом повсюду, куда они поедут. Я так их люблю!.. Потому что они — мое МЫ”.

Это отрывок из романа “Участник свадьбы” (а точнее “Член свадьбы” — как член клуба, член сообщества — “Member of the Wedding”). Литературовед Кит Байерман в интервью 1997 года, данном для нашей тогдашней передачи, посвященной Карсон Маккалерс, говорил о самой писательнице:

Она отчаянно нуждалась в любви. Всю жизнь провела в поисках людей, которые бы ее любили. Считала любовь квинтэссенцией жизни, и в своих произведе-

ниях лучше всего воспроизводила именно *поиски любви* (особенно *неудавшиеся* поиски). Поэтому тогдашние критики и заклеили ее “романтиком”. В те времена, то есть в 1940–1950-е годы, серьезная американская литература занималась в основном борьбой личности с обществом.

Карсон Маккалерс не описывала борьбу личности с обществом, и даже редко — борьбу личности с личностью, а чаще всего — борьбу личности с собственным сердцем. Например, в последнем своем шедевре — “Балладе о невеселом кабачке”:

В любви всегда есть любящий и любимый — два человека из разных государств. Часто любимый лишь стимул для проявления любви, давно копившейся в сердце любящего — например старика, который любит девушку, увиденную двадцать лет назад на пустой улице Чихаутауна. Или, скажем, проповедник может полюбить падшую женщину. Объектом любви может стать вероломный мерзавец... Посредственность может вызвать страсть — дикую, экстравагантную, красивую, как болотная лилия.

Теннесси Уильямс отметил в предисловии к первой биографии Карсон Маккалерс, что *сердце* было ее любимым словом. “Я знаю многих людей, — писал он, — с сердцем, которое не испытывает нужды или не обладает умением себя выразить. Поэтому я считаю Маккалерс писателем, необходимым для жизни. Она не только понимала тайны сердца, она владела языком ангелов, давав-

шим ей умение переключивать эти тайны в звуки песен и даже гимнов”. Это сказано о писательнице, которой чуть больше двадцати лет. Профессор и поэт Лев Лосев в эссе о Маккалерс (1997), писал:

Карсон Маккалерс, наверное, самая загадочная писательница. Она — вундеркинд, столь редкий в литературе, где это, казалось бы, по определению невозможно. Чтобы писать глубокую и влиятельную прозу, нужен жизненный опыт. А Маккалерс написала свой лучший роман, когда ей было двадцать два года. Откуда может взяться такое психологическое мастерство и такой расчетливый (в лучшем смысле этого слова) артистизм у такого молодого автора, понять невозможно.

Ей было двадцать пять лет, когда она написала рассказ, ставший культовым — “Дерево, камень, облако”. Это там старик говорит, что юноши, влюбляясь в женщин, “начинают не с того конца. Без умения и знания они ставят на себе опыт, самый опасный и загадочный на всем Божьем свете. А надо начинать с простого: полюбить дерево, камень, облако”.

Легко решить, что Карсон Маккалерс (в девичестве Смит) — маленькая, болезненная, большеглазая, не очень красивая женщина — была в жизни обделена любовью и потому так страстно ее искала. Ничего подобного. Карсон в 19 лет вышла замуж за Ривса Маккалерса, одаренного писателя, яркого, красивого и бесстрашного человека, которого, по свидетельствам друзей,

все любили. А он любил *ее* — до беспамятства.

Их квартира в Нью-Йорке, в Бруклин-Хайтс, становится центром литературного авангарда. У Маккалерсов не только регулярно собираются их ровесники (Теннесси Уильямс, Трумен Капоте, Бенд-жамен Бриттен), но среди гостей мелькают такие фигуры мирового масштаба, такие классики, как Уистен Хью Оден и Томас Манн. Уж чем-чем, но дружбой и любовью ее жизнь была очень богата.

И все же она искала чего-то, чего у нее не было... или чего *в ней* не было? От любящего мужа она уходит, причем дважды. В первый раз это случается в 1941 году, когда ей двадцать четыре года. После этого Ривс добровольцем вступает в армию, воюет, участвует в высадке в Нормандии и возвращается домой израненным. Карсон снова выходит за него замуж. Они оба пьют. И оба влюбляются, причем иногда в одного и того же человека. Друзья пишут, что Карсон была одержима любовью к замечательной писательнице Кэтрин Энн Портер (автору романа “Корабль дураков”). В 1951 году Карсон снова бросает Ривса, теперь уже навсегда. И он кончает жизнь самоубийством. Это случилось через год после публикации ее последнего шедевра — “Баллады о невеселом кабачке”.

Название этой новеллы в русском переводе звучит очень обаятельно, хотя точнее был бы дословный перевод — “Баллада о печальном *кафе*”. Но *главное* слово в названии — “баллада”, потому что эта но-

велла — поэтическая проза. Маккалерс, конечно, поэт, и прежде всего поэт американского Юга.

Был мягкий апрельский вечер. Ближе к полуночи. Небо цветом походило на синий болотный ирис, и луна была чистая и яркая. Ниже по ручью кирпичная стена фабрики казалась желтой под лунным светом, и в воздухе дрожал едва уловимый, немолчный гул ткацких станков. В такую ночь хорошо услышать издали, из-за темных полей тягучую песню, которую поет негр по дороге к своей любви.

Маккалерс поэтизирует Юг, но делает его не романтичным, а незабываемым. Философ и критик Борис Парамонов в эссе 1997 года писал: “Маккалерс — страшная писательница. Ее новелла ‘Баллада о печальном кафе’ стопроцентно гениальная вещь, — это даже не Фолкнер, это — Гойя”.

Городок и сам по себе тоскливо: там ничего нет, кроме ткацкой фабрики, домиков рабочих и нескольких персиковых деревьев на убогой главной улице длиной в сотню ярдов. В единственном большом доме все окна забиты, и он так накренился, что, кажется, вот-вот рухнет. Он выглядит абсолютно нежилым. Правда, одно окно на втором этаже не забито. Иногда после полудня, когда жара особенно нестерпима, рука медленно приоткрывает это окно, из него выглянет лицо и посмотрит вниз на улицу. Оно похоже на жуткое, размытое лицо из ночного кошмара: белое и бесполое, с серыми глазами, такими косыми,

что кажется, будто они обмениваются друг с другом одним долгим и горестным взглядом.

Писательница Джойс Кэрролл Оутс назвала юбилейную статью о Карсон Маккалерс “Poet of Freakiness” — “Поэт странностей” (freakiness — это даже больше, чем странность: уродства, извращения). На первый взгляд, название оправдано: главный сюжет романа “Сердце — одинокий охотник” — любовь глухонемого человека к слабоумному. В романе “Отражение в золотом глазу” причиной трагедии становится любовь, которая удовлетворяется подглядыванием за спящей женщиной; в “Балладе о невеселом кабачке” — здоровая, полная жизненных сил женщина безответно любит капризного и неблагодарного карлика-горбуна. Однако известный британский литературовед Мартин Сигур-Смит писал об этой особенности Карсон Маккалерс в своем “Путеводителе по современной литературе”:

Критики абсолютно неправильно поняли Маккалерс, когда судили ее пристрастие к людям с физическими недостатками как анатомическое любопытство. Маккалерс была сама таким больным человеком, что не могла не сочувствовать всем, кто обижен природой. Более того, она подсматривала красоту там, где с первого взгляда видно только уродство.

Возможно, Карсон Маккалерс трогало то, что именно такие люди особенно одиноки. Из нормальной общей жизни их вытесняют не социаль-

ные условия (условия могут улучшиться), не бедность, (она может смениться богатством), а их собственная природа, которую не преодолеть, с которой можно только смириться. В конце жизни и сама Карсон Маккалерс жила так, как ее герои. Редактор нью-йоркского литературного журнала Джон Леггетт рассказал биографу о его интервью с писательницей:

Женщина-психиатр, лечившая Маккалерс, дала мне твердые указания: “быть готовым ко всему, вести себя естественно, не говорить обиняками, не бояться грубить”. Я увидел эфемерную фигурку в яркой экзотической одежде, такую маленькую, что ее трудно было разглядеть в большом инвалидном кресле. Я старательно выполнял указания, говорил грубоватые комплименты, и все прошло гладко.

И все же литературу Карсон Маккалерс нельзя назвать поэзией отчаяния. Ее современник, писатель Ричард Райт, автор знаменитого романа “Сын Америки” (“Native Son”), заметил потрясающее умение Маккалерс создавать в своих вещах “мифопоэтический подтекст”. Другими словами, она была слишком значительным поэтом, чтобы не чувствовать в любой жизни некой возвышающей тайны. В этом смысле символична концовка “Баллады о невеселом кабачке” — крошечная глава “Двенадцать смертных мужчин”, не относящаяся к сюжету новеллы и вообще ни к чему. В главе описано шоссе вблизи городка, на котором работают скованные цепью две-

надцать заключенных. “И каждый вечер, — пишет Маккалерс, — там звучит музыка. Один угрюмый голос начинает музыкальную фразу, но обрывает ее, и она повисает, как вопрос. Через секунду второй голос подхватывает, потом третий, и вскоре они все поют. Голоса угрюмо звучат в золотистом воздухе, но музыка странным образом соединяет в себе мрачность и радость. От нее

ширится сердце и пробирает озноб — от восторга и испуга. Потом музыка постепенно замедляется, остается одинокий голос, и снова — только тяжелое дыхание и удары мотыг. Что же это за люди, способные создать такую музыку? Просто двенадцать смертных мужчин: семеро чернокожих и пятеро белых — все местные. Просто двенадцать смертных мужчин — когда они вместе”.